

водов; городские слои населения (и то лишь в XVII в.!) оказываются для нее только своеобразной питательной средой.

И тут обнаруживается существеннейший недостаток рецензируемой книги — удивительная ограниченность репертуара исследуемых памятников. Можно составить целый список выдающихся памятников литературы «московского периода», которые совсем не учтены в труде А. Стендер-Петерсена. Это «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть о Дракуле», «Повесть о Динаре», все летописные повести и вообще все летописание до середины XVI в., «Новая повесть», легендарно-исторические повести — «Повесть о начале Москвы», «Повесть о Тверском Отрочем монастыре» и др. А между тем эти произведения (во всяком случае многие из них) отличает одна характерная черта: они резко противостоят традиционно-житийной или официально-панегирической литературе и далеко не всегда связаны с господствующими социальными слоями московского общества. Говоря о происхождении литературы такого рода (как и посадской повести XVII в.), нельзя обращаться только к византийским или западноевропейским корням и совершенно необходимо вспоминать об устном народном творчестве как об одной из основ письменной литературы. Этого вопроса А. Стендер-Петерсен не ставит; о связи литературы с фольклором в «московский период» в его труде почти не упоминается. Во «Введении» А. Стендер-Петерсен даже специально оговаривает это обстоятельство (правда, только применительно к истории поэзии). Он объясняет это тем, что фольклор имеет свои собственные, отличные от письменной литературы законы развития и что история устной народной поэзии недостаточно исследована (VIII). Однако, как ни сложна история устной поэзии и фольклора вообще, игнорировать постоянное и систематическое влияние устного творчества на литературу нельзя: ведь именно в фольклоре впервые произошло освобождение искусства слова от его служебных функций, и превращение письменной литературы в искусство (зарождение беллетристики) просто невозможно понять без привлечения фольклорного материала. Если А. Стендер-Петерсен считает возможным учитывать при исследовании русской литературы византийское и западноевропейское влияние (хотя внутренних законов развития византийской и западных литератур он в своем труде не касается), то тем более ему следовало бы учитывать влияние устного народного творчества.

Сильное влияние народного творчества и народной языковой культуры испытывали не только литературные представители горожан и мелкослужилых элементов русского общества, но и те публицисты, которые были связаны с господствующей религиозно-феодалной идеологией. История публицистики XV—XVII вв. излагается А. Стендер-Петерсоном крайне неполно. В начале главы «Идеологическая литература» автор специально оговаривается, что публицистика «сама по себе (an und für sich) совсем не относится к истории русской литературы» (202), и делает поэтому исключение только для макарьевской школы — И. С. Пересветова, Ивана Грозного и Курбского. Но древнерусская литература не знала никакого различия между публицистикой и литературой «самой по себе» — вся письменность имела деловое назначение; если автор широко освещает творчество Епифания Премудрого, Пахомия, Макария и деятелей макарьевского кружка, то у него нет никаких оснований игнорировать публицистику Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева и Даниила. Творчество этих публицистов никак не укладывается в рамки «пышно-византийского стиля» — черты просторечия мы обнаруживаем не только в блестящих по своему остроумию и язвительности сочинениях Вассиана Патрикеева, но и у таких «ортодоксов», как Иосиф и Даниил. Крайне односторонняя и оценка Ивана IV как писа-